

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ В 1854—1855 годах

С. С. Волк и Д. К. Жеребов

Сто лет назад началась Севастопольская оборона — крупнейшая и решающая операция Крымской войны. 349 дней русские солдаты и моряки беззаветно отстаивали славный русский город от натиска превосходящих сил противника. Героическая оборона Севастополя явилась одной из наиболее ярких страниц боевого прошлого русского народа.

В мае 1853 г. вследствие провокаций англо-французской дипломатии и захватнических притязаний царизма на Балканах отношения между Россией и Турцией были прерваны. Англия и Франция тотчас направили свой флот к Дарданеллам. Русская армия вступила в Молдавию и Валахию. В октябре турецкий султан объявил войну России.

Первые же месяцы боевых действий обнаружили слабость феодальной Турции. Атаки турок на Дунае и в Закавказье были отражены. В ноябре 1853 г. турецкий флот подвергся неслыханному разгрому при Синопе. Поражения Турции обеспокоили правящие круги Англии и Франции. 3 января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море, а 15—16 марта Англия и Франция официально объявили войну России.

Отсталая в технико-экономическом отношении, феодально-крепостническая Россия должна была выдержать натиск двух наиболее могущественных тогда держав капиталистического мира.

Попытки английского правительства сколотить общеевропейскую коалицию против России не удалась. К союзникам впоследствии официально примкнула лишь Сардиния. Австрия, вступив в соглашение с Англией и Францией, заняла позицию, враждебную по отношению к России. Явное недружелюбие, по существу, проявляли также Пруссия и Швеция. Ввиду австрийской угрозы с тыла русская армия в июне 1854 г. вынуждена была покинуть Молдавию и Валахию, территория которых тотчас была оккупирована австрийскими войсками. Военные действия на Дунае прекратились.

Летом 1854 г. союзники атаковали приморские города и крепости России на Балтике, на Белом море и на Тихом океане, но всюду получили решительный отпор. Выдвинутый союзниками предлог «защиты Турции» после ухода русских войск из дунайских княжеств, казалось, потерял всякий смысл. Но стремление правящих кругов Англии и Франции во что бы то ни стало развязать войну с Россией было слишком велико, и они решили нанести ей главный удар в Крыму.

В начале сентября противники России высадили 62-тысячную армию в районе Евпатории, где из-за преступной бездеятельности главнокомандующего Меншикова не было русских войск. 8 сентября на реке Альме произошло первое сражение с неприятелем. Устаревшее стрелковое вооружение русской армии и бестолковые действия царских генералов решили исход альминской битвы в пользу англо-французских войск. Однако, несмотря на двойное превосходство вражеских сил, русская армия проявила такое упорство и стойкость, что союзники, понеся большие потери, не решились преследовать отходившие к Севастополю части. «Еще

одна такая же победа, и у Англии не будет армии!» — воскликнул командир одной из британских дивизий, герцог Кембриджский¹.

После сражения на Альме русская армия отошла в северо-восточном направлении, к Бахчисараю. Союзные войска предприняли марш на Балаклаву. В ее закрытой бухте они намеревались организовать базу снабжения, а затем атаковать с юга Городскую и Корабельную стороны Севастополя, не имевшие таких мощных сооружений, как Северная сторона. Строительство севастопольских укреплений было начато еще А. В. Суворовым в середине 1778 года². К 1854 г. Севастополь был надежно защищен с моря четырнадцатью береговыми батареями, имевшими до 616 орудий различных калибров. Но с суши город почти совершенно не был укреплен. Даже на 1854 г. севастопольской крепости была ассигнована ничтожная сумма в 25 147 рублей, из которой ни одной копейки не предназначалось на оборонительное строительство³. Такую же сумму Инженерный департамент планировал и на 1855 год. Не был обеспечен Севастополь и шанцевым инструментом, на покупку и починку которого было отпущено всего 150 рублей на весь 1854 год⁴.

Даже после начала высадки неприятеля Меншиков не принял никаких мер к укреплению Севастополя с суши. Больше того: он распорядился сжечь огромные запасы корабельного леса⁵, который мог пригодиться при возведении укреплений. На немногочисленных сухопутных батареях Южной стороны ко времени подхода противника имелось всего 145 орудий⁶. Совершенно недостаточно был обеспечен Севастополь боеприпасами и продовольствием. Положение крепости после поражения на Альме казалось безнадежным. В этих условиях руководство обороной Севастополя взяло на себя командование Черноморского флота.

С приближением к Севастополю войск противника все население вышло на строительство боевых рубежей⁷. Ежедневно днем и ночью работало до 5 тыс. человек. В тяжелом труде наравне со всеми участвовали севастопольские женщины. Одна из батарей была названа защитниками города «девичьей».

На военном совете, созванном Корниловым во время приближения союзной армии к городу, было решено затопить часть кораблей для того, чтобы преградить вход англо-французской эскадре на севастопольский рейд. Корнилов отдал приказ о распределении экипажей по дистанциям сухопутной обороны с сохранением при экипажах их знамен⁸.

Десять тысяч матросов, пришедших с кораблей на бастионы и батареи Севастополя, составили цементирующую силу севастопольского гарнизона. Они показывали образцы стойкости, доблести и сметливости.

На семикилометровом фронте сухопутной обороны удалось сосредоточить лишь 16 тыс. солдат и матросов. Всего гарнизон Севастополя насчитывал до 30 тыс. человек. Несмотря на более чем двойное превосходство в силах, интервенты не решились штурмовать город с хода и приступили к подготовке «правильной» осады. Этим и воспользовались защитники Севастополя. Организуя оборону города, они, следуя принципам видного

¹ «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя». Вып. 2. СПб. 1871, стр. 352.

² «Материалы для истории русского флота». Ч. VI. СПб. 1877, № 606, стр. 547; «Военный сборник». 1894, № 2, стр. 219—243.

³ Филиал Центрального государственного военно-исторического архива в Ленинграде (ФЦГВИА), ф. 3, оп. 22, д. 1401. 1854 г., лл. 1, 8.

⁴ Там же, лл. 2—3.

⁵ Л. Г. Духонин. Под Севастополем в 1853 г. «Русская старина», июль 1885 г., стр. 91.

⁶ Государственная публичная библиотека в Ленинграде. Отдел рукописей. Архив Шильдера. К—3, № 8, л. 81об.

⁷ Центральный государственный архив Военно-Морского Флота (ЦГА ВМФ), ф. 13, д. IV. 1854 г., лл. 83, 235, 326.

⁸ Там же.

теоретика военно-инженерного искусства А. З. Теляковского, отказались от создания отдельных, замкнутых и не связанных между собой укреплений, как это было принято делать в те времена при устройстве крепостей. В осажденном Севастополе впервые была построена позиционная оборона, состоявшая из нескольких линий окопов, траншей и отдельных укреплений. Траншеи обеспечивали защитникам более тесное взаимодействие и большую прочность обороны в промежутках между бастионами.

В канун первой бомбардировки город преобразился. Повсюду были видны батареи, «баррикады на улицах, бойницы для ружейной обороны в окна домов»⁹, — писал участник обороны, петрашевец И. М. Дебу. Особенностью обороны Севастополя было то, что здесь впервые позиционная, глубоко эшелонированная оборона сочеталась с активными действиями осажденных войск, при четком взаимодействии сухопутных сил и флота, а также полевой, корабельной и береговой артиллерии.

Решающей силой обороны Севастополя являлась артиллерия. Ее размещение соответствовало плану ведения активной обороны и позволяло, маневрируя, сосредоточивать массированный огонь многих орудий на определенных направлениях. Это было нововведением в военном искусстве. Большую роль в обороне города играл флот. Корабли Черноморского флота использовались не только для артиллерийской поддержки сухопутных войск, но и для переброски резервов на опасные участки¹⁰.

5 октября 1854 г. началась первая бомбардировка Севастополя. Корабельная артиллерия противника более чем в десять раз превосходила силы береговой артиллерии крепости. На сухопутном фронте у обеих сторон было примерно равное количество орудий. Благодаря правильной расстановке и использованию русской артиллерии, самоотверженности русских канониров «огонь нападения при его открытии решительно уступал огню обороны»¹¹. Значительную роль в успешной борьбе с артиллерией противника сыграли с самого начала находчивость и решительность артиллеристов-матросов, которые, заметив готовность батарей противника к действию, открыли по ним огонь, не ожидая общего сигнала.

Береговые батареи, имея всего 115 орудий, нанесли тем не менее значительный урон союзному флоту с его 1340 орудиями. В дальнейшем союзный флот не решался подвергать обстрелу береговые укрепления.

В первую же бомбардировку города на Малаховом кургане был убит один из талантливых русских военачальников — В. А. Корнилов. С этого времени душой Севастопольской обороны стал горячий патриот родины адмирал П. С. Нахимов. Вдумчивый военный руководитель, прекрасный организатор, он был одновременно отзывчивым товарищем для рядовых солдат и матросов.

Каждый день Нахимов бесстрашно обходил передовые укрепления, следил за их боевой готовностью, вдохновляя своим мужеством и спокойствием защитников Севастополя.

Нахимова, как и Корнилова, в его действиях связывало подчинение Меншикову и сменившему его Горчакову как главнокомандующим, Моллеру, а затем Остен-Сакену как начальникам гарнизона Севастополя. Эти царские генералы, привыкшие к парадным церемониям, оказались совершенно беспомощными в боевой обстановке. Неспособность николаевского генералитета правильно и эффективно руководить войсками сказались уже в сражении под Балаклавой. Хотя там и была разгромлена одна из лучших частей английской кавалерии — легкая бригада, — но русская армия не смогла захватить базу снабжения союзников.

После прихода подкреплений в ноябре 1854 г. численность русских войск в Крыму достигла 85 тысяч. Из них в Севастополе находилось до

⁹ Отдел рукописей Института истории АН СССР в Ленинграде, ф. И. М. Дебу, письмо № 7 (от 17 октября 1854 г.), л. 2.

¹⁰ ЦГА ВМФ, ф. 13, д. V. 1854 г., л. 285.

¹¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. II. М. 1938, стр. 106.

35 тысяч. Почти 50-тысячная русская армия располагалась вне города. С помощью этой армии Меншиков решил атаковать правый фланг противника со стороны Инкермана. Несмотря на плохую подготовку наступления, эта атака грозила полным поражением английской армии. Последнюю спасли помощь французского корпуса Боске и непонятная бездеятельность Данненберга, Горчакова и других русских генералов. Не выиграв сражения в целом, русская армия нанесла под Инкерманом противнику серьезный удар, который заставил его на время отказаться от наступательных действий под Севастополем и, в частности, отменить намеченный на 6 ноября приступ. Противник вынужден был заняться подготовкой совсем неожиданной для него зимней кампании. Борьба приняла затяжной характер.

В течение зимы защитники Севастополя непрерывно совершенствовали свои позиции и проводили вылазки для разрушения возводимых противником укреплений. В этих вылазках участвовало обычно до 200—300 человек. В ночной вылазке с 1 на 2 января приняло участие до 800 человек. Удар по неприятелю был нанесен против 3-го бастиона, в стык расположения его подразделений. Были перебиты караулы неприятеля, заклепаны орудия, срыты укрепления, захвачены пленные.

Во время вылазок добровольцев-севастопольцев плечом к плечу сражались русские и украинцы: Петр Кошка и Василий Чумаченко, Афанасий Елисеев и Федор Заика, Аксений Рыбаков и Иван Демченко и многие другие. Геройский подвиг совершил матрос 30-го флотского экипажа украинец Игнатий Шевченко. Во время одной из вылазок он прикрыл своей грудью прославленного храбреца лейтенанта Бирюлева, в которого стреляло несколько солдат противника¹².

Значительное место в активных действиях защитников Севастополя в начале 1855 г. заняла минная война. Попытке противника атаковать минными галереями 4-й бастион севастопольцы противопоставили свои наступательные действия под землей. Русские минеры под руководством капитана Мельникова¹³, «обер-крота», как в шутку называли его севастопольцы, не дожидаясь подхода противника, сами стремились сблизиться с ним, подорвать его галереи и отбросить от бастионов. При ведении контрминной войны особенно отличились унтер-офицер Федор Самокатов, рядовые Иван Румянцев, Дмитрий Парфенов, Федор Крылов, Иван Лавренов и другие¹⁴. Саперный унтер-офицер Федор Самокатов совершил 10 февраля 1855 г. редкий подвиг: работая в контрминной галерее, он натолкнулся на минную галерею противника и в результате завязавшейся под землей схватки с четырьмя вражескими минерами занял галерею.

Русские минеры, наступая под землей, подрывали минные ходы неприятеля и отбрасывали его от своих укреплений. Достаточно сказать, что если противник отрыл 1 280 метров подземных галерей, то русские проложили их до 7 километров.

Превосходство русских минеров в Севастополе сказалось и в том, что для взрывания зарядов они пользовались изобретенным в России в 1812 г. более совершенным электрическим, а не устарелым огневым способом, которым пользовались союзники; благодаря этому отказ при взрыве зарядов у русских не составлял и одного процента, а у противника — почти четвертую часть. Превосходство русских в ведении подземно-минной борьбы было отмечено английской газетой «Таймс», которая писала: «Нет никакого сомнения, что пальма первенства в этом роде действий принадлежит русским».

После того как героический 4-й бастион отбил все атаки противника

¹² «Материалы для истории Крымской войны». Вып. 5, стр. 292.

¹³ А. К. Детенгоф. Забытый герой (А. В. Мельников). «Русский архив». 1905, № 8, стр. 549—588.

¹⁴ А. Орда. Саперы в Севастополе. «Инженерный журнал». 1862, № 5, стр. 196, 197, 199, 188, 189.

на земле и под землей, враг перенес свои усилия на другой фланг сухопутной обороны Севастополя, где главными укреплениями были Малахов курган и 2-й бастион. В феврале 1855 г. союзники установили несколько батарей для того, чтобы обеспечить занятие высоты, расположенной перед Малаховым курганом. Контр-адмирал Истомин, руководивший обороной 4-й дистанции, в которую входил и Малахов курган, задолго до февраля 1855 г. предлагал укрепить высоты перед курганом, но по вине Меншикова и Тотлебена этого сделано не было. «Контр-адмирал Истомин постоянно жаловался на то, что Тотлебен... пренебрегает Малаховым курганом...»¹⁵. Только действия противника вынудили русское командование принять ответные меры.

В ночь на 9 февраля два полка (Селенгинский и Волынский) и саперы полковника Ползикова под общим командованием генерала Хрущева скрытно выдвинулись на Киленбалочное плато и приступили к строительству укреплений. К утру 9 февраля глазам интервентов предстала линия свежей насыпи — это был Селенгинский редут. Неподалеку от него вскоре возникли Волынский редут и Камчатский люнет. Их строительством руководили военные инженеры Сахаров и Преснухин, унтер-офицер Бородатов и другие. Начиная с 9 февраля, русские солдаты каждую ночь отражали по несколько ожесточенных атак на Камчатский люнет. Истомин придавал исключительно большое значение Камчатскому люнету. Он ежедневно бывал на нем и руководил исправлением повреждений. На Камчатском люнете Истомин и погиб.

Энгельс высоко оценил систему укреплений, возведенную русскими перед Малаховым курганом. Армия англичан и французов, писал он, «очутилась в состоянии обороны, тогда как первое существенное условие осады заключается в том, чтобы осаждающие поставили осажденных в положение обороняющихся».

Как в лагере у Севастополя, так и в самой Англии начинают понимать, что нет никаких шансов взять Севастополь штурмом»¹⁶.

Боевая страда для севастопольцев продолжалась непрерывно. Ожидание штурма заставляло их проводить ночи, не смыкая глаз, у заряженных с вечера орудий. Отдыхали обычно утром, если противник не производил обстрела города. Однако отдых затруднялся из-за отсутствия достаточного количества убежищ для личного состава. Кроме того, свободные от несения службы солдаты и матросы охотно отправлялись «по ягоды» — собирать неприятельские пули для того, чтобы, переливая их, восполнить недостаток в боеприпасах. С момента начала осады Севастополя по июнь 1855 г. солдатами и матросами было собрано несколько тысяч пудов неприятельских пуль¹⁷.

Проявляя замечательное мужество и героизм, севастопольцы бесстрашно тушили не успевшие еще воспламениться неприятельские бомбы. Матрос Михаил Мартынюк спас жизнь многим своим товарищам, смело бросившись в пороховой погреб, чтобы вынести из него загоревшийся от взрыва бомбы ящик с порохом. Л. Н. Толстой писал из Севастополя: «Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами. Солдаты вырывают трубки из бомб. Женщины носят воду на бастионы для солдат. Многие убиты и ранены... В одной бригаде 24-го было 100 человек, которые ранены, не вышли из фронта. Чудное время!»¹⁸.

Непрерывно совершенствовались старые и возводились новые укрепления. Однако организация инженерных работ, руководимая Тотлебеном,

¹⁵ В. И. Васильчиков. Севастополь. Записки начальника штаба севастопольского гарнизона. «Русский архив». 1891, № 6, стр. 218; ср. Н. С. Милошевич. Из записок севастопольца. СПб. 1904, стр. 26.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 374.

¹⁷ А. Лаговский. Оборона Севастополя. М. 1939, стр. 116.

¹⁸ Л. Н. Толстой. Соч. Т. XX. М. 1913, стр. 44.

страдала серьезными недочетами. В частности, по мнению некоторых участников обороны, Тотлебен безмерно увлекался контрапрошной системой. Историограф обороны Севастополя П. К. Меньков писал в своем дневнике: «Все от частных начальников до последнего рабочего как бы инстинктивно чувствовали бесполезность этой новой работы. Потери были большие — работы шли вяло. Главнейший же упрек, делаемый Тотлебену, заключается в том, что возведением упсмянутых передовых укреплений, ложементов и передовых траншей, стоивших нам неимоверных трудов и потерь, мы, так сказать, способствовали неприятелю к скорейшему достижению цели атаки, подготовив для него работы»¹⁹. Так и было в действительности. В ночь на 20 апреля 1855 г. противник захватил контрапроши, находившиеся впереди редута Шварца.

Контрапрошная система, возникшая в первый период обороны Севастополя из завалов (одиночных окопов), которые возводились по инициативе солдат и матросов, сыграла положительную роль. Но эта же система, насаждаемая Тотлебенем во второй период обороны Севастополя, становилась пагубной из-за недостатка сил для их защиты.

С 28 марта до 6 апреля союзники вторично подвергли Севастополь усиленной бомбардировке. По городу было выпущено 168 700 снарядов. Русские укрепления были наполовину разрушены. Войска несли крупные потери: из строя ежедневно выбывало по 500—700 человек. Самые серьезные повреждения были причинены 4-му бастиону, Камчатскому люнету, Селенгинскому и Волынскому редутам. Однако и эта десятидневная бомбардировка Севастополя не дала интервентам ожидаемого результата. Союзное командование дважды переносило день штурма и наконец отложило его до лета.

Противник продолжал подвозить подкрепления, и к июню 1855 г. численность его войск возросла до 200 тыс. штыков, тогда как у русских было всего до 40 тыс. в Севастополе и 30 тыс. в его окрестностях. Однако моральное состояние союзной армии внушало тревогу ее командованию. «Дух мятежа среди французов подавлялся постоянными вылазками русских, которые задавали им работу, и открытием второй бомбардировки, которая на этот раз уже наверно должна была кончиться великолепным штурмом. Последовало жалкое фиаско. Затем пошли инженерные работы, медленные, тяжелые, бедные успехами, необходимыми для поддержания духа солдат. Последним скоро опротивели эти ночные сражения в траншеях, где сотни гибли без всяких видимых результатов»²⁰.

26 мая началась третья бомбардировка Севастополя. Основной огонь был сосредоточен по Волынскому и Селенгинскому редутам и Камчатскому люнету, захват которых являлся основной целью противника. Четыре дивизии союзников атаковали эти укрепления, оборонявшиеся всего лишь тремя батальонами русских, и овладели ими, но их попытки продвинуться дальше, к главной позиции русских, успехом не увенчались. Не смог неприятель подойти и к Малахову кургану и 2-му бастиону.

С рассветом 5 июня союзники приступили к четвертой бомбардировке Севастополя. 6 июня Малахов курган и примыкавшую к нему батарею Жерве атаковало до 12 тыс. человек. Противник получил сильный отпор. Непоколебимая стойкость севастопольцев сорвала замыслы врага. Штурм был отбит. Огонь артиллерии сухопутных укреплений и кораблей расстроил атакующие войска неприятеля. Атака захлебнулась в 20—40 метрах перед укреплениями. Всюду в Европе эту неудачу оценивали как крупное поражение союзной армии.

Чтобы поддержать боевой дух своих войск и успокоить недовольное женскими неудачами общественное мнение в Англии и во Франции, союзники предприняли летом 1855 г. несколько пиратских налетов на

¹⁹ П. К. Меньков. Записки. Т. I. СПб. 1893, стр. 331, 349.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 420.

прибрежные города Черного и Азовского морей. Корабли союзной эскадры бомбардировали Одессу, Мариуполь, Бердянск, грабили и сжигали прибрежные станицы, расстреливали рыбацьи лодки²¹. «Офицеры союзных войск,— рассказывали очевидцы,— служили во многом примером для своих солдат, и в особенности, у англичан... Многие комоды городских жителей пострадали от ловкого обращения с ними английских офицеров»²². Сообщая о поджоге в Керчи складов, разрушении семинарии и сожжении ее библиотеки, о разграблении музея древностей и церкви, американский капитан Кодмен восклицал: «Вот комментарий к выдвигаемой западными державами идее о том, что Россия нуждается в уроках цивилизации от них!»²³.

Удачное отражение летнего штурма значительно повысило боевой дух русских войск. В течение июля 1855 г. они провели девять больших вылазок. Моральное состояние войск позволяло нанести союзникам крупный контрудар. Но плохая организация операции и несогласованные действия русских генералов, расплывших свои силы и не сумевших использовать резервы, привели к поражению русских в сражении у речки Черной 4 августа 1855 года.

5 августа, на другой же день после неудачи русских на Черной речке, началась финальная бомбардировка Севастополя. Англо-французское командование сосредоточило до 150 орудий на километр по фронту. Только против Малахова кургана было установлено 110 орудий крупных калибров. Военная история прошлого не знала еще такой большой плотности огня. Англичане и французы выпускали в течение двадцати суток в среднем по 9 тыс. снарядов в день. Русские могли выпускать лишь по 3 400 снарядов. Огонь неприятеля разрушил все оборонительные сооружения, превращая их в груды развалин.

Начиная с 25 августа вражеский огонь усилился до небывалой силы. 60 тыс. снарядов падало ежедневно на русские позиции. Трое суток длилась последняя бомбардировка города. Ежедневные потери севастопольцев составляли около 2 тыс., а противника — только 300 человек. В полдень 27 августа начался штурм всей оборонительной линии. Вследствие пренебрежения Горчакова к восстановлению укреплений Малахова кургана этот важнейший пункт обороны был захвачен противником, но на остальных участках обороны атаки были отбиты. Попытки вернуть Малахов курган не удалась. Этому в немалой степени способствовало и то, что по указанию Тотлебена были укреплены горжи, то есть тыльная сторона бастиона. По мнению большинства общевоинских начальников, укрепление горж по правилам долговременной фортификации было излишним и даже вредным. «По убеждению всех защитников Малахова кургана, горжа бастиона Корнилова была единственной причиной потери сего бастиона»²⁴. Насыпь горжи помешала ворваться внутрь бастиона направленным на его вырубку русским резервам. «Собственные препятствия остановили спасение бастиона...»²⁵.

Как и прежде, в отражении атак противника в последний день обороны Севастополя большую роль сыграли корабли Черноморского флота «Херсонес», «Одесса», «Владимир». С началом штурма они подошли к южному берегу Большой бухты и приняли участие в разгроме двух бригад противника, атаковавших 2-й бастион. Особенно успешно действовал «Владимир» под командованием известного впоследствии адмирала Бутакова.

²¹ «Russian War 1855. Black Sea. Official Correspondence». London. 1945, p. 316.

²² «Материалы для истории Крымской войны». Вып. 3, стр. 179.

²³ J. S. Codman. An American Transport in Crimean War. New York. 1896, p. 76.

²⁴ Н. С. Милошевич. Указ. соч., стр. 81; П. И. Степанов. Севастопольские записки. «Военный сборник». 1905, № 8, стр. 523; Артиллерист. Несколько слов по поводу статьи А. Орда. «Военный сборник». 1859, № 8, стр. 199.

²⁵ Государственная публичная библиотека в Ленинграде. Отдел рукописей, Q365/2. Записки П. К. Менькова.

Занятие Малахова кургана еще не означало решающего поражения русских. Но Горчаков отдал приказ отвести войска на Северную сторону, хотя еще было возможно обороняться на Южной. Этот приказ вызвал недоумение многих защитников. «Непонятно тяжело было для каждого русского первое впечатление этого приказанья», — писал Л. Н. Толстой в последнем из севастопольских рассказов²⁶.

По девятисотметровому мосту, наведенному в невиданно короткий срок понтонерами, русские войска перешли на северный берег Большой бухты. Союзники два дня не решались вступить в город. Северную сторону они вообще не рисковали атаковать. Еще в начале обороны Корнилов и Нахимов понимали, что «не Северное укрепление зависит от Севастополя, а, наоборот, Севастополь зависит от Северного укрепления»²⁷. По их указанию саперы полковника Ползикова заблаговременно возвели сооружения для 216 орудий больших калибров. С отходом русских войск на Северную сторону эти батареи приобрели особенно большое значение. Надежды интервенгов на использование севастопольской военно-морской базы не оправдались.

Ни один корабль союзного флота не мог войти в бухту: вход закрывали затопленные суда, орудия Северной стороны. Крупный военно-политический успех союзников, однако, мало изменил общую обстановку в Крыму. Английское адмиралтейство в своих официальных документах даже не решалось говорить о занятии города полностью, оно говорило лишь о «занятии южной стороны Севастополя»²⁸.

Овладение Севастополем еще не означало решения стратегических задач войны. Поэтому верховное командование союзников выдвинуло план высадки десанта в Кинбурне, надеясь, что господство над Днепром, Бугом и лиманами, «может быть, заставит русских эвакуировать Крым». «Спешите, время не ждет, вынуждает»²⁹, — телеграфировали из Лондона и Парижа. Три дня, 15—17 октября 1855 г., англо-французская эскадра бомбардировала старинные сооружения Кинбурна. Огонь его маломощной артиллерии был подавлен, и высадившийся десант занял эту крепость. Значение падения Кинбурна было невероятно раздута неприятельской прессой. На самом деле своих целей союзники не достигли. Активные действия в Крыму прекратились. В ноябре 1855 г. пришло известие о взятии русскими войсками сильнейшей турецкой крепости — Карс. Падение Карса несколько уравновешивало неудачу в Крыму и грозило серьезными осложнениями для турок в Малой Азии.

В такой обстановке начались переговоры о мире. По ироническому выражению К. Маркса, «объединенные силы Франции, Англии, Турции и Сардинии после двух лет «завоевали» половину русской крепости, потеряв взамен ее в пользу России целую турецкую крепость (Карс)»³⁰.

Союзникам не удалось добиться в Крымской войне желаемых результатов. Они не смогли расчленить Россию, стереть ее с карты Европы. Свои военные неудачи они стали оправдывать ссылкой на суровый климат, болезни и прочие фатальные обстоятельства. На самом деле не холера, не холода и бури, а героизм русских моряков и солдат и руководство командования Черноморского флота, основанное на передовых принципах русского военного искусства, сорвали план внезапного захвата Севастополя, заставили союзников перейти к длительной осаде и этим

²⁶ Л. Н. Толстой. Соч. Т. 2. М. 1951, стр. 227.

²⁷ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. II, стр. 95—96.

²⁸ «Russian War 1855. Black Sea», p. 315.

²⁹ Там же, стр. 328.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII, ч. I, стр. 383—384.

сковали их действия на других театрах войны. Севастопольская оборона была подвигом тысяч рядовых солдат, матросов, подвигом народа. Участник защиты знаменитого 4-го бастиона Л. Н. Толстой писал: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...»³¹.

После героической обороны Севастополя, успехов русских войск на Кавказе, а также тяжелых военных потерь Англия и Франция вынуждены были значительно умерить свои притязания в отношении России. Но условия Парижского мирного договора, заключенного после Крымской войны, были все же тяжелыми для России. Ей запрещалось держать военный флот и иметь крепости на Черном море. Россия обязывалась, кроме того, вернуть занятый в ходе войны Карс, а также уступить Турции часть Южной Бессарабии. Все земли, занятые союзниками во время войны, в том числе и Севастополь, должны были быть очищены.

Несмотря на поражение России, Крымская война, безусловно, способствовала подъему национально-освободительного движения на Балканах.

В ходе Крымской войны балканские народы сочувствовали русской армии, от которой они ждали своего освобождения. На Балканах радушно встречали русские войска. Крестьяне готовились с оружием в руках выступить на борьбу против турецких захватчиков. В боях с турками храбро сражались батальоны волонтеров — греков, болгар, валахов³². Важным последствием Крымской войны, ослабившей феодальную Турцию, было проведенное в 1859—1861 гг. при поддержке России объединение Валахии и Молдавии в единое румынское государство, лишь номинально зависимое от власти султана.

Крымская война имела важнейшие последствия для самой России. После 1856 г. доминирующая роль царизма в европейской политике стала падать. Тяжелые последствия авантюристической внешней политики царизма и, в особенности, обострение бедственного положения народных масс послужили толчком к назреванию в России революционной ситуации 1859—1861 годов. Крестьянские восстания вот-вот должны были обрушиться на крепостнический строй.

События Крымской войны, до крайних пределов обострившие классовые противоречия в стране, серьезно повлияли на развитие революционно-демократического движения. «Нас расшевелила война... Мы как будто после сна очнулись, раскрыли глаза на свой домашний и общественный быт и догадались, что нам кое-чего недостает»³³, — писал Добролюбов.

«Крымская война, — отмечал Ленин, — показала гнилость и бессилие крепостной России»³⁴. Она остро поставила вопрос о необходимости буржуазных преобразований в России. Ослабленный военным поражением и запуганный ростом крестьянского движения, царизм вынужден был отменить крепостное право.

³¹ Л. Н. Толстой. Соч. Т. 2, стр. 124.

³² П. Жадовский. Молдавия и Валахия в современности. СПб. 1856, стр. 90—91.

³³ Н. А. Добролюбов. Соч. Т. I. М. 1934, стр. 182.

³⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 95.